

люди искусства

ТАК ЗАЖИГАЮТСЯ ЗВЕЗДЫ

М. ИГНАТЬЕВА

Магомаева — в 26 лет награждение орденом Трудового Красного Знамени, в 32 года присвоение звания народного артиста СССР. И все же здесь действовал не принцип «баловня судьбы», а талант и труд.

Да, впрочем, разве судьба баловала его, если оставила сиротой, так и не видевшим своего отца, погибшего в боях с фашистами? Если он с самого раннего детства жил вдали от матери? Правда, самой горячей заботой, лаской, вниманием его окружили дядя с тетей, заменив родителей. И все же о счастливой, безоблачной жизни здесь трудно говорить, хотя, конечно, окружение, атмосфера в доме весьма благоприятствовали развитию музыкального таланта.

— Родные хотели, чтобы я, как и дед, стал композитором. Музыке стали учить рано — отдали в бакинскую специальную школу десятилетку. Обучался по двум специальностям — игре на фортепиано и в классе детского музыкального творчества. Педагоги по композиции уверяли, что именно на это я должен обратить главное внимание — выйдет толк. А преподаватель по роялю тянул в свою сторону и прочил карьеру пианиста — говорил: хорошие руки, слух, память, артистичен. Одним словом, все было, кроме... усидчивости. Надо за инструмент садиться, а меня тянет во двор к мальчишкам! Сейчас я очень жалею, что меня не заставляли, не шлепали. Чего-то я достиг, но хотелось бы гораздо большего...

А мне думается, то, чем он владеет в игре на фортепиано, не столь уж мало: он совсем не плохо аккомпанирует себе, помогает Тамаре Снявской в работе над репертуаром, иногда исполняет в совместных с нею концертах партию фортепиано.

Успех у публики у него огромный, можно, казалось бы, и не стараться особенно: накоплен большой, проверенный репертуар, столь широкий и разнообразный, что хватало бы на разные вкусы, на многие времена. А Муслим все время что-то ищет, пробует свои силы и в том, и в другом, и в третьем, расширяет жанры, расширяет репертуар, пишет сам музыку. И, как каждая высоко одаренная натура, во всем силен. Это признают окружающие. А он сам?..

— Ощущение, что ты недоделал того, чего ждешь от тебя, меня преследует постоянно. Неудовлетворенность собой, своими действиями. Поэтому я так «непостоянен» в своей актерской биографии.

Непостоянство! В его сло-

вах почувствовалась некоторая нотка горечи. В самом деле, есть в его актерской судьбе все время резкие повороты — начинал и блестяще расцвел в опере: его блистательный Фигаро, неповторимый Скарпиа незабываемы. Потом, как сформулировал он сам, имел неосторожность петь эстрадные песни больше, чем полагается артисту оперы, и сразу же прочно «приклеился ярлык» эстрадной «звезды». Муслим все чаще обращался к этому репертуару, отдавал ему много времени, ездил на гастроли, стал работать с композиторами над песнями — с замечательными мастерами этого жанра. Для оперной сцены уже совсем не оставалось ни времени, ни сил. Потом появилась идея создания эстрадного оркестра Азербайджана. Это потребовало еще больше трудов.

И снова, казалось, именно здесь он попал в свою стихию, потому что был непохож на других, был самим собой, со своей манерой, со своими героями. Очень хорошо сказал о нем однажды Георг Отс (кстати, певец, на которого, по признанию Муслима, он хотел быть похожим): «Отправляясь на концерт эстрадного вокалиста, мы надеемся не только услышать новые песни, новый или уже полюбившийся голос. Всякий раз мы ждем встречи с артистом, ждем яркого зрелища и, увы, слишком часто испытываем горечь несостоявшихся встреч. Муслим Магомаев здесь счастливое исключение — почти все, что он делает, интересно. Мне нравится проникновенность его голоса, темперамент. Нравится, что он такой сегодняшний. Как оперному певцу, мне импонирует, что поет он и серьезный репертуар».

В самом деле, более проникновенное, выразительное, осмысленное исполнение советских песен, чем у Магомаева, трудно представить. Поэтому с ним так часто и так много работают авторы песен. Вспомните его нежнейшую «Мелодию» и страстное заклинание «Бухенвальдского набата», «заводную» «Свадьбу» и патетическую «Благодарю тебя», трогательную «Темную ночь» и полную гражданского пафоса «Торжественную песню». Неаполитанские песни — милые, легкие, улыбочивые или страстные, полные любви, современные зарубежные «шлягеры» и русская народная «Вдоль по Питерской». Диапазон огромный. И всюду он кажется в своей стихии...

И вот в самый разгар бурливо феерического успеха на эстрадном фронте он решается снова вернуться к оперному искусству. «Это не

значит, что я порываю с эстрадой, — подчеркнул он тогда в беседе. — С эстрадой я никогда не порву, но я почувствовал, что здесь мне «тесно»: хочется петь, хочется использовать свой голос как можно полнее». Одновременно он увлекся сочинением музыки, и увлекся всерьез.

Такой он во всем и в своей эстрадной деятельности (помню, совсем знаменитым, уже получившим звание народного, он рассказывал, как пересыхает в горле от волнения, дрожат колени, когда выходит на сцену). «Не имею права делать кое-как, довольствоваться малым — уж лучше совсем не надо выступать». И он не будет петь в концертах, пока не накопит репертуар, с его точки зрения, достойный, пока не найдет песни «для себя», привлекающие его.

— А свои песни?

— Ну, я не могу причислить себя к авторам очень плодотворным. Может, это покажется странным, но иной раз пишу песню и чувствую, что она не для меня — по диапазону. Бывает, что как певец привыкаю потом к ней, например, к «Торжественной песне», хотя исполняю ее с напряжением, и всегда думаю: почему я так скверно написал? А бывает, что сочини и откладываю — очень мешает мне в композиции знание музыки — как почувствую знакомую интонацию, дальше писать не могу. Всего, пожалуй, у меня песен 30, а популярных из них совсем немного. Недавно написал музыку к фильму «Концерт для баритона с оркестром», там тоже есть песня. Но я, скажу честно, стесняюсь петь много своих произведений — на мой взгляд, есть в этом какой-то элемент саморекламы. Может быть, со временем это ощущение сгладится, а пока не могу.

Вот так: он не хочет повторяться и ищет свой репертуар, стесняется быть назойливым в демонстрации своих произведений; он должен все время двигаться вперед — к этому обязывают звание, положение.

Недавно миллионы зрителей услышали Муслима Магомаева в новом качестве — на новогоднем «Голубом огоньке» артист блестяще спел басовую арию Дон Базилио из «Севильского цирюльника» Россини.

Он полон сил и работает, чтобы вновь и вновь радовать слушателей и зрителей своим замечательным искусством. Он готов к этому, потому что постоянно ищет, потому что нет в нем «сытого» довольства собой, а это — лучший стимул для роста.

Народный артист СССР М. Магомаев.

ПОМНЮ, немногим более полутора десятилетий назад обычный день, обычные, ничем не примечательные, сменяющие одна другую передачи по радио, которые между делом слушаешь и не слушаешь. И вдруг — голос певца, привлекавший внимание удивительной красоты тембром, эмоциональной наполненностью исполнения, осмысленностью каждой фразы, каждого слова каждой ноты. Молодой, сочный голос... Кто же это? «Мы передавали выступление студента Бакинской консерватории, солиста Театра оперы и балета имени Ахундова Муслима Магомаева, внука известного азербайджанского композитора Муслима Магомаева», — пояснил диктор.

Одна короткая программа — и артист уже на виду: шутка сказать — миллионная аудитория. Правда, как оказалось, к тому времени у юноши уже были некоторые достижения на певческом «фронте»: он выступал в составе советской делегации на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки и имел большой успех.

— Тогда я еще был совсем зеленым, — улыбается Муслим, — хотя знаки внимания и некоторое количество почитателей успел завоевать еще раньше, в военном ансамбле, куда я в один прекрасный день без ведома домашних заявился и попросил принять. Было мне лет 16 тогда. Прослушали, приняли. Ездил я с этим коллективом по разным городам и поселкам, и от общения со слушателями приходил в полнейший восторг. А уж когда в дни фестиваля в Хельсинки в газете поместили мой портрет и написали несколько добрых слов, радости не было предела. Появилась даже некоторая уверенность в своих силах...

И признание, славу, популярность он завоевывал исключительно сам, не «подкрепляя» успехи авторитетом прославленного деду, не пользуясь гипнозом его имени. Он сам — не «внук композитора», а известный артист, певец, автор ряда песен, звучащих на эстраде и в эфире, он деятель искусства, чье имя знают все, от мала до велика, люди разных возрастов, профессий, вкусов. О нем слышаны в разных странах мира как об эстрадном и оперном певце, блестящем исполнителе советских песен и песен разных народов, классических оперных партий, романсов и современного репертуара. «Поет Муслим Магомаев» — и эти слова притягивают многочисленную публику в залы, заставляют сидеть у репродукторов и телевизоров, прокручивать магнитные записи, пластинки (увы, как их все-таки мало!).

О людях такой биографии обычно говорят «баловень судьбы» — все, кажется, так легко дается: быстро, очень быстро, ступенька за ступенькой поднимался Муслим Магомаев к новым и новым высотам мастерства. Победа за победой на крупнейших международных конкурсах — в Сопоте, в Каннах. Гастроли по всей стране и за рубежом, аншлаговые выступления в лучших залах, стажировка в Милане — один срок, второй. Многим ли такое дано?

Конечно, на помощь юноше пришли природная музыкальность, абсолютный слух, память. А главное — работоспособность. «Минимум развлечений, максимум работы» — таков был его режим в Италии.

— Все деньги я тратил только на пластинки. Занимался отчаянно, старался выучить как можно лучше партии Фигаро в «Севильском» и Скарпиа в «Тоске», естественно, на итальянском языке. Я занимался с маэстро Варра и дирижером Пьяцца. Проводил время в театре, в музеях. Очень многое дали мне встречи с директором «Ла Скала» Герингелли — он рассказывал о великих итальянских певцах, об Артуро Тосканини. Были у меня друзья — бывшие итальянские партизаны, участники Сопотивления. Как хорошо они относятся к нам, русским! Как опекали нашу группу молодых советских артистов — стажеров «Ла Скала»...

Наверное, в этом секрет стремительно завоеванного успеха, которым отмечен артистический путь Муслима